

зависит в большей степени не от соблюдения законодательства, а от личной харизмы иерархов, духовенства, — умеющих найти грамотный выверенный дипломатический подход к представителям государственной власти. Большое значение имеет личная дружба, которая нередко в итоге оборачивается к пользе для церкви, и через это, — для всего русскоязычного населения государства.

Подводя итоги следует признать, что динамика развития государственно-религиозных отношений отражает влияние многих факторов: политическое влияние, экономическое давление важных акторов Международного права. Сохраняется опасность потенциальной возможности использования положения Православной Церкви в стране в политических интересах внутренних либо внешних политических сил.

Литература

1. Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» в РК //URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483> дата запоса: 08.09.2019
2. Подопригора Р. Цит по: Свобода религии и убеждений. Институт религии и права М. 2010.
3. URL: https://forbes.kz/process/nashumevshie_popravki_v_religioznyiy_zakon_otozvanyi/ Дата запоса 04.10.19.
4. URL:https://total.kz/ru/news/religiya/po_zakonu_o_religii_nuzhno_politicheskoe_reshenie_arin_date_2019_03_12_13_33_42 Дата запоса: 04.10.19.
5. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-government-withdrawn-religion-bill/29793017.html> Дата запоса: 04.10.19.

Трунов А.А.

Идеология и религия в обществе Модерна

Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация. В статье с опорой на принципы системности и историзма, методы герменевтики и конструктивизма предпринята попытка философского и социологического анализа соотношения идеологии и религии в обществе модерна. Вначале было показано влияние секуляризации и Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. на генезис тримодальной идеологии модерна (консерватизм, либерализм и социализм). При этом идеология рассматривается не только как социальная альтернатива религии, но и как система регулятивных и проектных идей об устройстве должной модели общества. Далее, отталкиваясь от критики философской концепции Т. Гоббса, были выявлены социальные и антропологические альтернативы модерна. Особое место в статье занимает характеристика трансформации содержания классических идеологий в XX в. Именно их смысловая мутация и неспособность артикулировать новые смыслы породили своеобразное «возрождение» религии в период нашего интенсивного настоящего. В результате идеология и религия как бы поменялись местами: теперь идеология утрачивает свои привычные социальные позиции, а религия их завоёвывает.

Ключевые слова: идеология, религия, секуляризация, традиция, революция, общество, Модерн, альтернативы.

Trunov A.A.

Ideology and religion in Modern society

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract. Based on the principles of system and historicism, methods of hermeneutics and constructivism the article attempts a philosophical and sociological analysis of the relationship between ideology and religion in modern society. First, the influence of secularization and the French revolution of the late eighteenth century on the genesis of the trimodal ideology of modernity (conservatism, liberalism and socialism) was shown. At the same time, ideology is considered not only

as a social alternative to religion but also as a system of regulatory and project ideas about the proper model of society. Secondly, starting from the sociological analysis of the concept of T. Hobbes, social and anthropological alternatives to modernity were identified. A special place in the article is occupied by the characteristic of the transformation of the content of classical ideologies in the XX century. It was their semantic mutation and inability to articulate new meanings that gave rise to a kind of "revival" of religion in the period of our intensive present. As a result, ideology and religion seem to have changed places: now ideology loses its usual social positions, and religion conquers them.

Keywords: ideology, religion, secularization, tradition, revolution, modernity, society, alternatives.

Введение

Актуальность заявленной темы во многом обусловлена необходимостью философского и социологического анализа соотношения идеологии и религии в обществе Модерна. Опираясь на принципы системности и историзма, методы герменевтики и конструктивизма, мы попытаемся сначала выявить связь между секуляризацией, Великой французской буржуазной революцией конца XVIII в. и генезисом тримодальной идеологии Модерна (консерватизма, либерализма, социализма), а затем обратимся к выявлению концептуальных альтернатив Модерна и трансформации смыслового содержания классических идеологий в XX в. При этом мы будем опираться на ряд публикаций, в которых рассматривались вопросы идеологии [7–9], но уже с учётом заявленной темы и основной направленности данной конференции.

Секуляризация, революция и генезис тримодальной идеологии Модерна

В эпоху Модерна (1789 — 1991 гг.) достаточно интенсивно осуществлялась секуляризация, под которой принято понимать «процесс утраты религией своей социальной значимости» [10, С. 11]. Религия тем самым переставала быть главным условием легитимации социального порядка и становилась частным делом каждого человека, превращаясь, по сути, в проблему его индивидуального спасения.

Напомним, что в традиционном обществе религия играла куда более весомую роль, поскольку представляла собой не только главный механизм конструирования социальной реальности, способствующий удержанию социального порядка от его соскальзывания в состояние перманентного хаоса, но и предлагала чёткие критерии различения греха и добродетели, бренного и вечного, пагубного и спасительного, земного и небесного. Так, в христианской средневековой Европе, основные духовные устремления абсолютного большинства людей (при всех существенных различиях религиозных воззрений господ и простонародья) были направлены на достижение потустороннего блаженства, а их земная жизнь рассматривалась как своего рода подготовка к жизни вечной. Поэтому любые серьёзные социальные конфликты, будь то борьба бюргеров и сеньоров, угнетённых или же господствующих групп вплоть до середины XVII в. оформлялась как религиозная. Участники социальных битв прошлого говорили на одном и том же языке, использовали практически идентичное интеллектуальное оружие, опирались на авторитет Священного Писания и старались принципиально избегать новизны.

Однако эта последовательная и тщательно выстроенная картина мира оказалась дискредитирована и буквально «снесена» в эпоху Просвещения и Великой французской буржуазной революции 1789 — 1799 гг. По существу, весь метафизический пафос великой революции состоял в том, чтобы обратить помыслы людей с Небес на землю, сделать средоточием смыслов уже не загробную, а реальную жизнь, сконцентрировав на ней основное внимание и миростроительные энергии. «Только там, где присутствует пафос новизны и где новизна сочетается с идеей свободы, мы имеем право говорить о революции», — совершенно обоснованно указывает Х. Арендт [1, С. 39]. Потребовалось, чтобы «все те, кто влачил свои дни во мраке и лишениях (не только в настоящем, но и на протяжении всей истории, не только как отдельные лица, но и как представители огромного большинства человечества, бедных и униженных), должны восстать и стать властителями своей страны» [1, С. 47].

На смену религиозного конструирования социальной реальности, основанного на признании неизблемого социального порядка, пришло идеологическое конструирование, в основе которого были предложены три ответа на вопрос о том, как следует относиться к переменам [2, С. 1-23].

Для консерваторов любые перемены — это очевидное зло, разрушающее троны и алтари, уничтожающее привычные социальные иерархии и органические основы общественной жизни. Либералы видели в изменениях социальное благо, стремились к свободе и прогрессу, но полагали, что перемены должны осуществляться под контролем буржуазной элиты, заинтересованной в поступательном и управляемом развитии общества. Странники социализма и коммунизма, сначала довольно слабо различимые в дискурсивном пространстве раннего Модерна, положительно относились к ценностям свободы и прогресса, но полагали, что перемены идут слишком медленно, поэтому их необходимо ускорить, в том числе — за счёт новой и ещё более радикальной революции.

Таким образом, в рамках единой тримодальной идеологии Модерна существовали три варианта отношения к проблеме развития, которые взаимодействовали друг с другом в полном соответствии с законом единства и борьбы противоположностей.

Консерватизм являлся негативной реакцией на Просвещение и Великую французскую буржуазную революцию конца XVIII в., которые он пытался осмыслить в традиционных христианских категориях апостасии и наступления последних времён. При этом его положительное содержание было связано с конструированием нарративов традиции, которая противопоставлялась переменам в духе мифологии «золотого века».

Либерализм являлся негативной реакцией на консерватизм, который рассматривался как попытка остановить или «подморозить» необходимые обществу перемены. При этом его положительным содержанием стало конструирование нарративов свободы и прогресса, открывающих новые возможности для развития индивида, пусть даже и вопреки интересам социального большинства, которые декларировались, но реально не брались в расчёт.

Странники социализма и коммунизма принимали не только либеральные нарративы о свободе и прогрессе, но и консервативный принцип примата интересов общества над интересами индивида, дополняя их нарративами о возможности создания свободного общества свободных людей, способных к благому, всестороннему и восходящему развитию.

В целом же любую из рассмотренных нами классических идеологий Модерна можно охарактеризовать как систему регулятивных или проектных идей, представляющих собой конкурирующие версии разработанной мыслителями теоретической модели желаемого общества [8, С. 63].

При этом в рамках каждой идеологии отношение к религии было различным. Для консерваторов религия составляла естественную основу полноценной жизнедеятельности человека и общества. Для либералов она являлась частным делом индивидов и поэтому выносилась из публичного пространства на периферию общественной жизни. Для социалистов и коммунистов религия была «иллюзорной надстройкой, порождаемой несовершенным экономическим базисом» [10, С. 191], что не исключало воинствующий атеизм как радикальное неприятие любых форм религии.

Не смотря на принципиальные содержательные различия рассмотренных нами классических идеологий, в процессе секуляризации традиционные функции религии (мировоззренческая, смыслообразующая, компенсаторная, регулятивная, легитимирующая, интеграционно-дизинтеграционная) постепенно переходили к идеологиям. И многим людям казалось, что этот процесс имеет необратимый характер.

Концептуальные альтернативы Модерна

Как уже отмечалось, на рубеже Средневековья и Нового времени произошёл крах привычной картины мира. В результате секуляризации была осуществлена радикальная трансформация всей христианской антропологии. Человек перестал мечтать о потустороннем блаженстве и думать о «потерянном рае», обратившись к делам мирским и суетным, которые из вспомогательных стали основными.

Постсредневековые христиане, обратившись к моральному авторитету Книги, не ставили задачу создания нового общества, но в результате их коллективных действий оно было построено ценой длительных войн, разбоищений, большой крови «своих» и «чужих». Уже в середине XVII в. некоторым наиболее прозорливым и социально ответственным мыслителям (например, Т. Гоббсу) стало ясно, что локус контроля должен быть вынесен за пределы человеческой личности и обусловлен не христианской религией, а светскими институтами, включая государство, которое удерживает человека в определённых границах социальности, опираясь на принуждение, страх смерти или законы.

Т. Гоббс исходил из того, что в своём «естественном состоянии» человек человеку волк (лат. *homo homini lupus est*) [3, С. 271]. Пусть даже он облачён в превосходно выделанную овечью шкуру. Воспитание и нравственное развитие отдельных индивидов здесь абсолютно ничего не меняли, поскольку «из-за злых и дурных людей даже людям порядочным, если они хотят сохранить своё существование, приходится прибегать к силе и хитрости, то есть к звериной жестокости» [3, С. 271]. Государство при этом выступало как машина легитимного насилия, репрезентативное лицо, надзирающий и карающий «смертный бог» [4, С. 133]. Оно «вытаскивало» человека из «естественного состояния» войны всех против всех и насильно же «затаскивало» его в «искусственное состояние» регулятивной институциональности, которое считалось необходимым условием сохранения и поддержания общества, в котором взаимодействуют эгоистичные индивиды.

При этом свои сущностные черты, которые были зафиксированы Т. Гоббсом, природа человека даже в этом «искусственном состоянии» свирепого государственно-полицейского контроля практически не меняла (а если и меняла, то очень незначительно).

Однако уже в середине XIX — начале XX вв. многим мыслящим людям стало понятно, что в таком очень сильно овленченном («гоббсовском») мире даже минимально необходимое поддержание социальности требует значительных усилий со стороны государства и его учреждений: полиции, судебной и пенитенциарной систем, армии, спецслужб, что отнюдь не гарантирует гармонии, спокойствия и социального мира. Фрустрированная личность, загнанная в «клетку» институциональности и полицейско-государственного контроля, поставленная перед необходимостью постоянных усилий, направленных на то, чтобы не умереть от голода, холода, нищеты или болезней, оказалась способной не только на бессмысленный бунт, но и на осмысленное организованное сопротивление сформировавшейся репрессивной системе Модерна.

Проблема заключалась в том, чем ей руководствоваться и куда идти? Волей к власти и обречённо строить тоталитаризм гностического типа с доведённой до совершенства машинерией государственной пропаганды, тотальной мобилизацией и перманентной подготовкой к войне, заведомой иерархичностью и социальной несправедливостью, подавлением любого инакомыслия или же созидать нечто принципиально иное, благое по отношению к человеку, например, свободное общество, способствующее его восхождению и всестороннему развитию, обретению бессмертия через творчество, в том числе — социальных. Погружение в зловещий мрак тоталитаризма, сочетающий развитие военных и социальных технологий с недоразвитым, тёмным, вторично архаизированным массовым человеком, движимым волей к власти, насилию и смерти, или же социализм / коммунизм как нечто созидательное, конструктивное, справедливое и гуманное, — таковы главные (контрмодерн и сверхмодерн) альтернативы Модерну, понимаемого не темпорально, а антропологически, социально и культурно.

Согласно К. Марксу, история человечества представляет собой «совершенно материальное, эмпирически устанавливаемое дело, такое дело, доказательством которого служит каждый индивид, каков он есть в жизни, как он ест, пьёт и одевается» [6, С. 63]. Поэтому подлинно человеческое, то есть разумное и свободное бытие начнётся лишь тогда, когда люди смогут таким образом сознательно организовать свою жизнь, что в ней не будет собственности, разделения на классы, государства (то есть будет окончательно преодолена

институциональность, которая предписывает людям как социальным индивидам определённые способы действий).

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [6, С. 34]. Однако пока до наступления коммунизма ещё далеко. Возможно, что мы так никогда и не придём к коммунизму, «споткнувшись» о сущностные особенности природы человека, зафиксированные Т. Гоббсом.

Трансформация классических идеологий Модерна

По словам британского исследователя М. Фридена, идеология — это способ «превратить неизбежное разнообразие вариантов в монолитную определённую, которая является обязательным качеством политического решения и основанием для выплавки политической идентичности» [11, С. 76-77]. Всё это действительно так. Однако в XX в. сама идентичность классических идеологий Модерна претерпела определённую смысловую и ценностную трансформацию. Вследствие этого в идеологиях как конкурирующих системах регулятивных и проектных идей об устройстве должной модели общества [8, С. 63] тоже кое-что изменилось.

Например, консерватизм, для которого изначально было характерно сильно выраженное охранительное начало, не смог пережить своеобразного «искушения» фашизмом и нацизмом. В сущности, консерватизм был дискредитирован не столько либералами или коммунистами, сколько своими мнимыми «союзниками» справа, которые превратили весь консервативный дискурс в маргинальную территорию смыслов.

Современные консерваторы — это либо заведомые аутсайдеры политического процесса, либо унылые последователи традиции, которую они боятся отстаивать публично, опасаясь быть заподозренными в фашизме. Отсюда — «их уход в эзотерику, конспирологию и другие маргинальные сферы социального знания, которые не могут быть признаны академической наукой» [7, С. 238]. Попытки примирить друг с другом консерватизм и развитие нам также не кажутся особенно убедительными.

А вот социализм и коммунизм оказались дискредитированы репрессивными практиками авторитарных и патерналистских режимов, которые полностью уничтожили и выхолостили их живое содержание, связанное с попытками теоретического обоснования и практической реализации концепции нового гуманизма и нового человека, подменив его мертвящей скукой унылых партийных съездов, ритуальным скандированием лозунгов и циничным использованием высоких идеалов в сугубо прагматических целях. Тот «развитой социализм», который (при всех его позитивных достижениях) был построен в СССР и странах, которые вошли в сферу его геополитического влияния, представлял собой скорее социально-ориентированную версию потребительского общества, нежели то, за что боролись классики марксизма. Как итог — перерождение советского строя и его уничтожение мещанами, которые дорвались до власти.

Либерализм как главная и наиболее репрезентативная идеология Модерна в более или менее цельном и конструктивном виде просуществовал примерно до 1968 г. Однако после событий субкультурной революции 1968 г. началась необратимая мутация либерализма, который начал стремительно избавляться от своего прежнего гуманистического содержания, вырождаясь в либертарианство, пропаганду перверсий и идейное обоснование гегемонии глобального капитала. Складывается впечатление, что этот сильно мутировавший «либерализм» стал более внимательно относиться не к идеям Д. Локка, Д. Юма, И. Канта, Б. Константа или Д. С. Милля, а безумного маркиза де Сада, которого можно рассматривать как своеобразного «пророка и предтечу» постмодернизма.

Как видим, все классические идеологии Модерна претерпели значительную мутацию. Это обусловлено тем, что они «перестали исполнять свою функцию по увековечиванию и воспроизводству системы» [5, С. 760]. Социализм (или реальный коммунизм) рухнул на большей части Земного шара, благодаря мещанам, которые подчинили государство своим интересам. Капитализм же совершенно заиклился на проблемах интенсивного настоящего и

перестал нуждаться в идеологическом сопровождении развития. При этом классические идеологии Модерна не растворились в прошлом, но превратились в симулякры.

Что же касается религии, то она начала возвращать и отвоевывать утраченные ею социальные позиции. И это обусловлено не только смысловой коррозией и мутацией классических идеологий Модерна, но и объективной потребностью человека в смыслах, без которых его жизнь низводится практически до уровня животного состояния.

Заключение

Подводя общий итог, сформулируем основные выводы данной статьи.

1. Существует прямая взаимосвязь между секуляризацией, Великой французской буржуазной революцией конца XVIII в. и генезисом классических идеологий Модерна.

2. Консерватизм, либерализм и социализм (коммунизм) являются тремя вариантами стратегического ответа на вопрос о переменах и представляют собой конкурирующие системы регулятивных и проектных идей об устройстве теоретической модели желаемого общества.

3. Друг с другом классические идеологии Модерна связаны не только по принципу отрицания, но и по принципу притяжения. Отсюда — не только возможность создания временных тактических союзов, но и логика непримиримой идеологической борьбы.

4. В эпоху Модерна религия не исчезает, а становится частным делом каждого человека. При этом традиционные социальные функции религии, связанные с конструированием и легитимацией устойчивого социального порядка, в процессе секуляризации постепенно переходят к идеологии.

5. Как показывает исторический опыт, этот процесс не является необратимым. Возможно и попятное движение, в ходе которого религия начинает отвоевывать утраченные ею социальные позиции, что также имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Литература

1. Арендт Х. О революции. Пер. с англ. М.: Европа, 2011. 464 с.
2. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1798–1914. Пер. с англ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
3. Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.
4. Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., Госполитиздат, 1955. Т. 3. XIV, 616 с.
7. Трунов А.А. Идеология в обществах Модерна и постмодерна: сравнительный анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44 (2). С. 234–243.
8. Трунов А.А. Как идеи Модерна становятся идеологией? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 3 (252). Вып. 39. С. 62–70.
9. Трунов А.А. Постмодернизм как неогностический проект: опыт философской деконструкции // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. 2019. № 3 (23). С. 45–74.
10. Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
11. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 1996. 603 p.